

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/15617793/513/2

Жизненные и литературные представления К.Н. Батюшкова о Флоренции

Марина Павловна Гребнева¹

¹ Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, grmarinagr@mail.ru

Аннотация. Описываются представления К.Н. Батюшкова, имеющие отношение к Флоренции. Материалом послужили письма К.Н. Батюшкова, его статья «Нечто о поэте и поэзии» (1815), переводы отрывка из романа Ж. де Сталь «Коринна, или Италия», названного «Слава и блаженство Италии» (1817), и фрагмента из «Декамерона» Боккаччо под названием «Моровая зараза во Флоренции» (1819). Отмечается, что в сознании поэта отчетливо противопоставляется современный город, увиденный им, прошлому и вечному городу, воспетому в произведениях Данте и Боккаччо.

Ключевые слова: Батюшков, Флоренция, письма, переводы, Данте, Боккаччо

Для цитирования: Гребнева М.П. Жизненные и литературные представления К.Н. Батюшкова о Флоренции // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 513. С. 13–19. doi: 10.17223/15617793/513/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/513/2

Konstantin Batyushkov's life and literary views on Florence

Marina P. Grebneva¹

¹ Altai State University, Barnaul, Russian Federation, grmarinagr@mail.ru

Abstract. The aim of the research is to study the image of Florence in Russian literature. The material for it was the letters of Konstantin Batyushkov and his article "Something about the Poet and Poetry" (1815), translations of an excerpt from J. de Staël's novel *Corinna, or Italy* called "The Glory and Bliss of Italy" (1817), and a fragment from Boccaccio's *Decameron* called "Pestilence in Florence" (1819). The article uses the traditional historical and literary method. In this regard, it is important to characterize Batyushkov's contribution to Russian literature associated with the creation of the image of the "city of flowers". The history of Batyushkov's acquaintance with Florence is divided into two conditional periods. The first mentions of the desire to visit Italy appear in the poet's letters in 1809–1810. Dreams begin to come true in 1817–1818. Even before leaving abroad, in February 1817, Batyushkov had an idea for a book about Italian literature, which he shared with Nikolay Gnedich. The central place in the Pantheon of Italian literature was to be occupied by the works of Dante, Ariosto, and Boccaccio. The choice of the authors characterizes the literary predilections of the creator of the future book, and, without unnecessary modesty, testifies not only to the preferences, but also to the capabilities of the translator. This is exactly what, in his opinion, does not relate to the temporary and imitative, but to the eternal and original. In 1819, Batyushkov managed to fulfill his dream and visit the "city of flowers". However, he is unpleasantly surprised by the phenomenon of a copy, a repetition without which it is impossible to imagine Florence. He is probably also discouraged by the fact that there is no life in the casts stored in the museum. This is only a semblance of life, which is imprinted in them. Statues and casts, according to the poet, transmit the idea of death. It is striking that Batyushkov rejects what constitutes the essence of the city of flowers – stone, copy, cast. The durable stone arouses Batyushkov's rejection in the same way as the short-lived, ghostly, lifeless straw from the banks of the Arno, which attracts his attention and the attention of the addressees of his letters in February, May, August, October 1819. At the same time, if stone amazes with its eternity, then straw with its fragility, instantaneity, immediacy. One acquires the impression that it is a substitute for life, thus slipping away from life. This is what, with all its concreteness, seems ephemeral, ghostly, unnecessary to Batyushkov. In conclusion, it is noted that in the poet's mind, the modern city he saw is clearly contrasted with the past and eternal city, sung in the works of Dante and Boccaccio. Its name is inextricably linked with the names and works of famous Italian poets – with the embodiment of Hell and the homeland of the exiled Dante and the terrible place of death, sung by Boccaccio.

Keywords: Batyushkov, Florence, letters, translations, Dante, Boccaccio

For citation: Grebneva, M.P. (2025) Konstantin Batyushkov's life and literary views on Florence. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 513. pp. 13–19. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/513/2

Образы итальянских городов привлекали внимание таких исследователей, как Н.Е. Меднис [1], О.Б. Лебедева и А.С. Янушкевич [2], Т.Л. Владимирова [3], М.П. Гребнева [4].

Проблемы, связанные с пребыванием К.Н. Батюшкова в Италии, нашли отражение в работах Л.Н. Майкова, В.А. Кошелева, И.А. Пильщикова и др. По мнению В.А. Кошелева, «итальянский период жизни и творчества Батюшкова изучен очень мало. Многие дни, даже месяцы этой жизни, многие моменты творческой деятельности Батюшкова в Италии остаются неизвестными нам. Он пробыл “в отчизне Тасса” около трех лет – и за эти три года сохранилось лишь около десяти его писем, несколько стихотворных отрывков, несколько свидетельств современников, общавшихся с ним, и большое количество разного рода домыслов, догадок, легенд и сплетен, – ибо период этот связан с последующими “черными” годами психической болезни» [5. С. 268].

Л.Н. Майков отмечал, что, «еще в августе 1819 года, описав Жуковскому красоты Неаполитанского залива, он (Батюшков. – М.Г.) принужден был сказать: “Посреди сих чудес удивись перемене, которая во мне сделалась: я вовсе не могу писать стихов”» [6. С. 299–300], «хандра, которая с каждым днем овладевала нашим поэтом, отразилась прежде всего на его творческих способностях» [6. С. 299], «в мае (1821 года. – М.П.) месяце Батюшков покинул Италию; страна, где он надеялся найти исцеление от своих недугов, не дала ему здоровья; напротив того, огорчения, испытанные им в Неаполе, усилили его болезнь и к физическому расстройству присоединили глубокое нравственное потрясение» [6. С. 304–305], «с выездом из Италии Батюшков вздохнул свободнее. Он освобождался от зависимости, которая тяготила его, и приближался к отечеству, где его ожидали дружеские встречи» [6. С. 305].

Итальянские письма Батюшкова исследовались, в частности, И.А. Пильщиковым, по словам которого, «его эпистолярное наследие занимает более половины объема» всех сочинений» [7. С. 91], «условный образ Вечного города, выкристаллизовавшийся в неолатинской, итальянской, французской и русской поэзии <...>, оживает в письмах Батюшкова как высшая реальность, переживаемая эстетически» [7. С. 112], «обыденной, бытовой Италии Батюшков поначалу не видел, вернее, не хотел видеть. Неаполь показался ему слишком скучным: этот город, писал он А.И. Тургеневу (24 марта 1819 г.), “длинень и неопрятень”» [7. С. 112].

Литературные взаимосвязи Батюшкова и итальянских поэтов привлекали внимание Д.Д. Благого, который полагал, что «в первые два десятилетия XIX века стал настойчиво вводить в русское литературное сознание итальянскую поэзию знаток и страстный поклонник ее, отлично овладевший итальянским языком Батюшков» [8. С. 13], И.М. Голенищева-Кутузова, который считал, что «глубокий интерес Пушкина к Италии зародился, бесспорно, не без влияния пионера русской италомании Батюшкова» [9. С. 457], Р.М. Гороховой, писавшей, что «среди русских поэтов начала

XIX в. Батюшков был единственным, кто хорошо владел итальянским языком и постоянно изучал в подлинниках итальянскую литературу, преимущественно поэзию эпохи Возрождения» [10. С. 239], что «любимейшим итальянским писателем Батюшкова был Тассо» [10. С. 240], что «антиподы, во многих отношениях в жизни и в творчестве, Ариосто и Тассо в какой-то мере как бы символизируют для нас две ипостаси самого Батюшкова» [10. С. 240].

Однако то, какой представлял себе Батюшков Флоренцию, в работах исследователей не так много сведений. Так, В. Афанасьев замечал, что «во Флоренции Батюшков остановился в альберго “Пеликан”, на самом берегу Арно у древнего моста Святой Троицы. Утром его разбудило солнце. Он вышел на террасу, уставленную кадками с цветами и пальмами. Ему показалось, что он попал в эпоху Рафаэля. Он увидел за рекой чудесные холмы, покрытые садами, шумящими на ветру дубами. Среди дубов – огромный дворец Питти. Чуть выше – беломраморная, с резко очерченным фасадом маленькая церковь Сан Миньято, словно Око Двенадцатого века, задумчиво глядящее на крыши Флоренции...» [11. С. 202], «Но – увы!! – Батюшков не чувствовал радости» [11. С. 203], «он побывал в картинных галереях Питти и Уффици, где итальянская живопись праздничным потоком нахлынула на него. И все же лучшей из картин показался ему вид на город от дворца Питти» [11. С. 203], «впервые за долгое время он вздохнул легко, с чувством беззаботным и радостным. Он даже пожалел, что не попросился во Флоренцию вместо Неаполя. Все полюбилось ему здесь, но, пожалуй, более всего запомнилась мраморная скамеечка на южной стороне собора, снаружи, где любил отдыхать Данте, и портрет Данте на фреске Джотто в замке Барджелло... Пробыв во Флоренции десять дней, Батюшков поехал в Рим» [11. С. 203].

Тема «Батюшков и Флоренция» заявлена также в статье Ю.В. Никольской, Е.С. Шевченко [12]. По мнению исследователей, «идеальное романтическое место стало объектом изображения, развивающимся на протяжении всего творчества поэта. Созданный К.Н. Батюшковым флорентийский мифомир дал почву для дальнейшего развития многих образов и мотивов в творчестве уже других авторов в русской литературе XIX–XX вв.» [12. С. 79]. Нас в данной работе интересует образ Флоренции в письмах и переводах К.Н. Батюшкова.

Италия и Флоренция в эпистолярном наследии Батюшкова

В письме Н.И. Гнедичу, датированном сентябрем – октябрём 1809 г., Батюшков выражает свое желание пожить и послужить за границей: «Я бы согласился и без жалования в Италию, а это важное условие» [13. Т. 2. С. 105]. Желание побывать в Италии – это мечта для поэта, лишенная каких бы то ни было меркантильных расчетов. Альтернативой службе в это время было посещение заграницы: «Я решил: если не пойду служить по этой части, то поеду путешествовать, хотя бы

это стоило десяти тысяч, что меня разорит совершенно; но гнить в ничтожестве не могу» [13. Т. 2. С. 106].

Однако служба и поездка оказались одинаково недостижимыми в это время, Батюшков это понял и не стал обвинять Н.И. Гнедича в нежелании помочь, о чем и сообщил ему в письме от 23 ноября 1809 г.: «Я не хотел путешествовать в мечтах, но хотел быть при миссии на месте. Хотел... лучше сказать, врать. Я знаю, что ты ничем этому пособить не можешь, да и очень трудно. Следственно, про одни дрожжи не говорят трожды» [13. Т. 2. С. 112].

Просьба о возможном отъезде за границу содержится в письме Н.И. Гнедичу, датируемом маем 1810 г.: «Бога ради, любезный Николай, пиши к нему (к князю И.А. Гагарину. – М.Г.) еще раз с 1-ой почтой. Я к нему писал и довольно искренне просил, о чем тебе известно, т<о> е<сть> о чужих краях» [13. Т. 2. С. 135].

По прошествии ряда лет в письме к А.Н. Батюшковой от 19 октября 1817 г. Батюшков вновь делится мечтой о поездке: «Вернее кажется путешествие. Если не дадут способов ехать в Италию, то я отправлюсь в феврале в Тавриду» [13. Т. 2. С. 466]. Крым в этом случае выступает в роли пространственного заместителя Италии.

В письме, датируемом июнем 1818 г., к императору Александру I Батюшков просит о своем направлении на службу в Италию: «Желаю быть причислен к Министерству Иностранных Дел и назначен к одной из Миссий в Италии, которой климат необходим для восстановления моего здоровья, расстроенного раню и трудным Финляндским походом» [13. Т. 2. С. 498]. Если в письмах друзьям Батюшков говорит о своих мечтах и надеждах, то в послании к монарху старается мотивировать свое желание оказаться за границей вполне деловыми подробностями – проблемы со здоровьем в виду участия в военных действиях на благо Отечества.

В письме к А.И. Тургеневу от 23 июня 1818 г. Батюшков сообщает: «В Тавриду не поеду, доколе не прояснится судьба моя: туда надобно ехать со спокойным духом, без суетных надежд и желаний; в противном случае только телом буду на берегах Салгара (река в Крыму. – М.П.), а сердцем – во Флоренции, или в Риме, или в Неаполе» [13. Т. 2. С. 498]. Ключевыми словами, характеризующими позицию автора письма, являются образы «дух» («духом») и «сердце» («сердцем»), с одной стороны, и «тело» («телом»), с другой стороны.

Тело поэта может оказаться в Крыму, а душа в Италии, во Флоренции в частности. Батюшков вновь и вновь стремится к пространственной локализации своей мечты. Поездка в Крым могла бы стать не равноценной для него заменой. В этой связи берега или края Салгара оказываются противопоставленными чужим берегам. Далее он продолжает: «Но если бы Италия не удалась, то Крым на ненастное время осени будет моим убежищем <...> По крайней мере воздух Байдары заменит мне воздух Нисы и Флоренции: а воздух для меня главное дело» [13. Т. 2. С. 499]. Для мятущегося духа Батюшкова Крым представляется временным пристанищем, убежищем, местом, в которое он стремится на время, до осуществления своей мечты.

В письме А.И. Тургеневу от 10 сентября 1818 г. он заявляет: «Я знаю Италию, не побывав в ней. Там не найду счастья: его нигде нет; уверен даже, что буду грустить о снегах родины и о людях мне драгоценных» [13. Т. 2. С. 515]. Наличие мечты придает смысл жизни. Осуществление мечты равносильно его утрате.

Те же самые противоречивые чувства запечатлелись в письме к П.А. Вяземскому, датируемом началом ноября 1818 г.: «Паспорт в руке. Италия передо мною. Авось выздоровею! А если умру там, то не забудь, милый друг, написать элегию на мою смерть» [13. Т. 2. С. 521]. Слова «умру», «смерть» хорошо передают настроение, мысли и чувства Батюшкова.

Дважды о Флоренции Батюшков упоминает в письме к Д.Н. Блудову в начале ноября 1818 г.: «Но я покидаю любезное отечество и, через Вену и Флоренцию, спешу в Рим (на который я и взглянуть недостойн!)» [13. Т. 2. С. 522]; «Страшают меня разбойниками и кинжалами. Но Ариоста не ограбили близ Флоренции. Я не Ариост, но его цеха: Кого же убоюсь?» [13. Т. 2. С. 522]. Боязнь смерти у автора письма к П.А. Вяземскому соседствует с его же боязнью только ограбления в послании к Д.Н. Блудову. Самоирония свидетельствует о призрачности надежд на обновление, на новую жизнь.

Обещание посылать весточки содержится в письме к Е.Ф. Муравьевой от 30/18 декабря 1818 г.: «Простите, буду писать из Венеции или Флоренции к вам...» [13. Т. 2. С. 528]. Показательно, что город цветов в письмах Батюшкова постоянно находится в окружении других городов и в качестве одного из городов, ведущих его в Рим. То есть Флоренция не стала центром заграничного путешествия для поэта.

Разочарование сквозит в письме Батюшкова к А.Н. Оленину, датируемом февралем 1819 г., он сообщает: «Во Флоренции есть слепки со всего музея, и мне обещали доставить реестр ценам и статуям, который сообщу вам. Англ<ийский> двор и французский с позволения герцога Тосканского взяли сии слепки в недавнем времени. Здесь я видел собрание египетских статуй для двора баварского: по совести, они жалки, и учиться над ними нечего. Могут быть интересны для антиквариата или для истории искусства, но для художника – нимало!» [13. Т. 2. С. 531].

Вероятно, Батюшкова неприятно поражает сам феномен копии, повтора без которого невозможно представить Флоренцию, он отвергает то, что составляет суть города цветов – камень, копия, слепок [4. С. 14–35]. Долговечный камень вызывает неприятие Батюшкова точно так же, как и недолговечная солома с берегов Арно. При этом если камень поражает своей вечностью, то солома – своей недолговечностью, мгновенностью, сиюминутностью. Складывается такое впечатление, что она – заместитель жизни, ускользающей, таким образом, жизни. Это то, что при всей своей конкретности представляется Батюшкову эфемерным, призрачным, ненужным.

Отсюда почти карикатурный характер переписки поэта со своими знакомыми в феврале, мае, августе, октябре 1819 г. по поводу соломенной шляпки, приобретенной на берегах Арно.

Так, в письме к Н.М. Карамзину от 24 мая 1819 г. он говорит о том, что посылает «с Г. Храповицким *флорентинскую шляпу м<илостивой> г<осударыне>* Катерине Андреевне, которую она получит, однако же, не прежде июля» [13. Т. 2. С. 546].

В письме к В.А. Жуковскому от 1 августа 1819 г. из Искии он информирует адресата: «Это письмо я поручаю М.Е. Храповицкому, почтенному и доброму человеку, некогда моему начальнику, которого супруга берет на себя труд доставить из *Флоренции шляпу Катерине Андреевне*» [13. Т. 2. С. 557].

В послании к Е.Ф. Муравьевой осенью 1819 г. он торопит адресата: «Сделайте милость, внесите А.И. Тургеневу немедленно 25 рублей, которые я просил его вручить С.А. Храповицкой за покупку во *Флоренции шляпки К.А. Карамзиной*» [13. Т. 2. С. 560].

В письме к А.И. Тургеневу от 3 октября 1819 г. он сообщает: «Я писал с Г. Храповицким к Жуковскому, и послал К.А. Карамзиной шляпу. Г. Храповицкий уведомил меня из *Флоренции*, что прибавил к той сумме, которую взял здесь у меня еще 25 франков, что не составит и 25 рублей. Сделайте дружбу вручите их немедленно ему от моего имени, а деньги сии можете получить от Кат<ерины> Фед<оровны>, я уже писал к ней на этот счет» [13. Т. 2. С. 561].

Возникает ощущение, что ничего более важного для Батюшкова, чем эта шляпка, на протяжении почти целого года не существует. Среди его адресатов известные люди и друзья – Н.М. Карамзин, В.А. Жуковский, А.И. Тургенев. То, что происходит, ни в коем случае не является иронией по отношению к ним, но, безусловно, оказывается самоиронией.

Иронизируя по поводу своего многострадального подарка, Батюшков размышляет: «Солома с берегов Арно дурная защита от морозов: эту шляпу надобно запереть в картон до будущих зефиров, то есть до июня 1820» [13. Т. 2. С. 561–562]. Внутреннее состояние Батюшкова передается через образ соломенной шляпки, которая, как выясняется, «дурная защита», которую «надобно запереть».

Таким образом, упоминания о желании Батюшкова посетить Италию относятся к 1808–1810 гг. и встречаются в письмах, адресованных Н.И. Гнедичу. О приближении к осуществлению своей мечты он размышляет в письмах к Н.А. Батюшковой и Александру I, датируемых 1818 г. Название Флоренции впервые появляется в его письме к А.И. Тургеневу от 23 июня 1818 г. Оно содержится также в письмах к Д.Н. Блудову и Е.Ф. Муравьевой, относящихся к тому же году. В них Флоренция предстает местом, находящимся на пути Батюшкова в Рим. Из его письма А.Н. Оленину, отправленного адресату в феврале 1819 г., мы узнаем о том впечатлении, которое произвела Флоренция на путешественника при непосредственном знакомстве с ней. Она оказалась городом ускользающей жизни, которую нельзя остановить ни в долговечных каменных слепах, ни в недолговечной соломе с берегов Арно. Соломенная шляпка, о которой упоминается в письмах к Н.М. Карамзину, В.А. Жуковскому, Е.Ф. Муравьевой, А.И. Тургеневу, передает то, о чем думал и что чувствовал Батюшков, находясь во Флоренции.

Флоренция в художественных произведениях Батюшкова

Еще до отъезда за границу, в феврале 1817 г., у Батюшкова возникает замысел книги об итальянской словесности, которым он поделился с Гнедичем: «Что дадут книгопродавцы за книгу следующего содержания:

Пантеон итальянской словесности

Жизнь и поэма Данте: «Ад» отрывками.

Отрывок из «Иерусалима»: Олинд и Софрония.

Отрывок из «Роланда»: Его бешенство.

Отрывок из «Роланда»: Альцина.

Отрывок из Маккиавеля.

Описание моровой язвы из Боккачио.

«Гризельда». Лучшая сказка из Боккачио.

Взгляд на словесность итальянскую в лучшее ее время и нечто тому подобное [13. Т. 2. С. 421].

Интересно, что автора замысла интересует мотив денег, продажи – покупки: «дадут книгопродавцы», хотя речь идет о выдающихся произведениях не только итальянской, но и мировой литературы. Замысел Батюшкова – это своего рода эквивалент соломенной шляпке и следам из Флоренции. Выбор имен характеризует литературные пристрастия автора будущей книги, свидетельствует без лишней скромности не только о предпочтениях, но и возможностях переводчика. Это как раз то, что не позволит ему «гнить», это как раз то, что относится не к временному, не к подражательному, а к вечному и оригинальному. Батюшков ищет проявления настоящего, оригинального в Италии, во Флоренции в частности. Так как все упомянутые авторы так или иначе связаны с городом цветов.

О своем замысле он сообщает также в письме П.А. Вяземскому от 4 марта 1817 г.: «Собираю италиан<ские> переводы в прозе, отборные места, и хочу выдать две книжки [13. Т. 2. С. 423]; «У меня книга готова. Взял контрибуцию с Данте, с Ариоста, с Тасса, с Маккиавеля и бедного Боккачио прижал к стене. Всем досталось!» [13. Т. 2. С. 424].

Слово контрибуция предполагает наличие победителя и побежденного. Автор письма имеет в виду победу над самим собой, над обстоятельствами, препятствующими осуществлению мечты. Именно эта тяжелая работа по переводу произведений прославленных итальянцев дает Батюшкову ощущение полноты жизни, вопреки отшельническому образу существования, о котором свидетельствует слово «пустынник»: «Будь весел и люби и не забывай твоего пустынника, который морщится, говоря тебе прости: ибо с тобою веселее калякать, нежели переводить длинные периоды Боккачио, мрачный “Ад”» [13. Т. 2. С. 426].

С Флоренцией Батюшкова неразрывно связано содержание «Божественной комедии» Данте и «Декамерона» Боккаччо. В переводе отрывка из романа Ж. де Сталь «Коринна, или Италия», названном «Слава и блаженство Италии» (1817), во фрагменте, который не вошел в «Опыты в стихах и прозе», он замечает: «Все в очах его (Данте. – М.Г.) облекается в одежду *Флоренции*; тени древних являются ему тосканцами. Не границы ума его стесняет мир, нет! сила души его влечет вселенную в область его мыслей» [13. Т. 1. С. 311].

Мысли Данте влекут его в Тоскану, во Флоренцию. То же самое испытывает сам Батюшков. Можно предположить в этой связи, что Флоренция для него – это не только административный центр Тосканы, но и центр литературной Италии.

Традиционно для русских авторов предпочтительнее оказывался «Ад» Данте, а не «Чистилище» и «Рай». Батюшков в этом смысле не является исключением: «Данте погрузил гений свой в воды Стикса, чтобы безвредно сойти на берега Тартара. И глубина души его неизмерима, как оные бездны, им столь живо описанные» [13. Т. 1. С. 311].

Одним из феноменов Флоренции является то, что она – не только город жизни, но и смерти, что прошлое в ней живет настоящего. Эту мысль транслирует Батюшков, размышляя о героях «Божественной комедии»: «Поэт и воин Данте, одушевленный свободой, вдыхает жизнь в хладную область могилы, – и тени встают и движутся и действуют сильнее, чем мы, обреченные смерти <...> все прошедшее воскресает, и оно для них непреложнее будущего» [13. Т. 1. С. 311].

Причем Батюшкова интересует, как следует из его плана, не только «Божественная комедия», но и биография ее автора, неразрывно связанная с Флоренцией. Вероятно, драматичная судьба творца «Божественной комедии» привлекала внимание автора перевода: «Нам кажется, что Данте, изгнанный из земли своей, перенес в область воображения всю горечь и тоску, грызущие собственное его сердце» [13. Т. 1. С. 311]; «Данте надеялся, что поэма его положит конец изгнанию; он надеялся, что слава будет посредницею между им и отчизною: но смерть лишила его желанной пальмы из рук признательной Флоренции» [13. Т. 1. С. 311]. В этой связи самого Батюшкова можно охарактеризовать как добровольного изгнанника из любимой им Родины. Образ Данте приобретает у Батюшкова не только черты сугубо биографические, но и символические. Он становится символом романтической несвободы и преждевременной смерти.

Хотя предполагаемые отрывки из Данте до нас не дошли, следы работы над произведением великого флорентийца видны в письмах Батюшкова, в частности в письме к Н.И. Гнедичу (которому он поверяет самые свои сокровенные мысли о Флоренции), датированном началом июля 1817 г.: «Но скажи Вяземскому, что Фортуна не есть счастье, а существо, располагающее злом и добром, нечто похожее на судьбу. Ссылаюсь на прекрасную аллгорию Данте в “Чистилище” его» [13. Т. 2. С. 447].

Творец «Божественной комедии» писал:

Влеченья от небес берут начало, –
Не все; но скажем даже – все сполна, –
Вам дан же свет, чтоб воля различала

Добро и зло, и ежели она
Осилит с небом первый бой опасный,
То с доброй пищей, победить должна [14. С. 235].

С точки зрения Данте и Батюшкова, человек сам вершит свою судьбу, отделяя добро от зла, он является

подобием богини Фортуны, подобием «существа, располагающего злом и добром». Показательно, что речь в этом письме идет о поправках П.А. Вяземского к элегии «Умиравший Тасс», в которой Батюшков писал:

Все горести узнал, всю бедность бытия.
Фортуною изрытые пучины
Разверзлись подо мной, и гром не умолкал!
[13. Т. 1. С. 255]

Судьбу Данте, по словам Батюшкова, разделил и создатель «Освобожденного Иерусалима»: «Подобная участь постигла Тасса» [13. Т. 1. С. 312].

В статье «Нечто о поэте и поэзии» (1815), вошедшей в «Опыты в стихах и прозе», Батюшков, в частности, писал: «Если бы мы знали подробно обстоятельства жизни великих писателей, то без сомнения могли бы найти в их творениях следы первых, всегда сильных ощущений» [13. Т. 1. С. 44]. Один из примеров, подтверждающих эту мысль, связан непосредственно с Флоренцией и с флорентийскими воспоминаниями автора «Неистового Роланда»: «Молодой Ариост, в бытность свою во Флоренции, влюбился в прелестную женщину. Он часто посещал ее; целые часы в глубоком безмолвии просиживал, любуясь красавицею, которая вышивала по серебру пурпурным шелком. Впечатление прелестных рук навсегда осталось в памяти любовника, и столь сильно, что впоследствии времени, рассказывая битву Мандрикала с злополучным Сербином, он сравнивает алую кровь, текущую из глубокой раны юноши, с пурпурными начертаниями, которые вышивала по серебру белоснежная рука незабвенной флорентинки» [13. Т. 1. С. 44]. Жизненное наблюдение Ариоста послужило основой для эпизода в литературном произведении, в песне 24, в строфе 66:

Таково, я видел, алая проश्ва
Рассекает серебристую ткань
Не под тою ли белоснежною ручкою,
От которой и сердце – пополам? [15. С. 459].

История Ариосто и его возлюбленной напоминает историю Данте и Беатриче. Обе истории объединяет Флоренция – город-женщина и город любви. Она вдохновляла писателей и художников на воспевание идеально прекрасной, платонической, возвышенной любви.

Если строчки из процитированного письма Гнедичу свидетельствуют об универсальных, философских рассуждениях Батюшкова, то его послание тому же адресату, датированное второй половиной июля 1817 г., содержит в себе комическое обыгрывание ситуации, связанной с восторженной рецензией В.И. Козлова на первый том «Опытов в стихах и прозе»: «Я ему (Козлову. – М.Г.) могу то же сказать, что Virgilius Стасу в “Чистилище” Дантовом: Стас, увидя Virgilius, брякнулся ему в ноги, а стыдливый Virgilius, в ответ на такое приветствие: “Ах, братец, не делай этого, ты тень и тень перед собою видишь!”» [13. Т. 2. С. 452].

Батюшков имеет в виду следующий фрагмент:

Уже упав к его ногам, он рад
 Их был обнять; но вождь мой, отстраняя:
 Оставь! Ты тень и видишь тень, мой брат»
 [14. С. 262].

Показательно то, как играет словами Батюшков, заменяя слово брат на слово братец, выражение «упасть к ногам» на «брякнуться в ноги», тем самым подозревая Козлова в неискренности, в том что тот «или смеется, или дурачит меня; а если это просто, то я полагаю, что он пьет запоём мертвую чашу и с похмелья пишет рецензии» [13. Т. 2. С. 452].

Наряду с «Божественной комедией» внимание Батюшкова привлек и «Декамерон» Боккаччо. Он перевел начало и конец этого произведения. В послании к Н. Гнедичу в марте 1817 г. он, в частности, писал: «Ergo, посылаю тебе милую “Гризельду” и милую “Моровую заразу” из Боккаччо. И то и другое можешь поместить между прозою или в конце, если печатание (тома «Опытов в стихах и прозе». – М.Г.) кончилось. Что нужды? Сказка интересна: она и отрывок о заразе – саро d' orega итальянской литературы» [13. Т. 2. С. 431]. Слово «милая» применительно к обоим произведениям говорит об их смысловой противопоставленности и об их эстетическом равенстве.

Непосредственно о городе цветов речь идет в «Моровой заразе во Флоренции». Автор вынес его название в заглавие этого фрагмента. Батюшков подчеркивает то обстоятельство, что «ужасная моровая зараза» постигла один «из великолепнейших городов Италии» [13. Т. 1. С. 327]. Прекраснейший город стал местом смерти.

Флоренция предстает тем пространством, где чело века постигает Божья кара. Болезнь, уносящая жизни многих людей, оказывается «в наказание за грехи наши правосудным небом посланная» [13. Т. 1. С. 327].

Все действия людей, противопоставленные Божьей воле, оказываются тщетными: «*Напрасно* градоначальники очищали Флоренцию; *напрасно* вход в оную воспрещен был зараженным и все пособия искусства врачебного для сохранения здоровья истощены в городе и в окрестностях; *напрасно* беспрестанные моления возносились к небесам и крестные ходы совершались благочестивыми людьми и служителями церкви!» [13. Т. 1. С. 327].

Автор-переводчик предстает здесь человеком, столкнувшимся со сказочным событием и приобщившимся к нему: «Несмотря на предосторожности и на всю человеческую прозорливость, в начале весны 48-го года страшным, чудесным образом начала (зараза. – М.Г.) свои опустошения» [13. Т. 1. С. 327]; «Она сообщалась здоровым с чудесною быстротою...» [13. Т. 1. С. 327]; «Чудесное дело я должен объявить вам!» [13. Т. 1. С. 327]. Батюшкову, благодаря Боккаччо, удастся показать, что Флоренция – это сказочный город, в котором случаются чудеса.

Однако это «чудо» не радует, а ужасает, лейтмотивом флорентийского бедствия оказывается слово «ужас» и производные от него: «Сила заразительная столь была ужасна, что одно прикосновение к одеждам больного убивало зверей домашних» [13. Т. 1. С. 328]; «От сих зрелищ и тому подобных ужасов родились различные

страхи...» [13. Т. 1. С. 328]; «...столь великий был ужас, столь опасность возрастала повсюду!» [13. Т. 1. С. 329]; «И что всего ужаснее, всего невероятнее, отцы и матери забывали детей своих...» [13. Т. 1. С. 329]; «столь ужасен был гнев божеский...» [13. Т. 1. С. 331].

Эти ужасные и чудесные события сделали людей жестокими и развратили их: «но вскоре те, которые, будучи в силах, не спешили на помощь болящим и подавали другим пример гнусного жестокосердия, сами лежали без призрения» [13. Т. 1. С. 329]; «Все сии обряды при ожесточении сердец изменились, или уничтожились, или заменились другими» [13. Т. 1. С. 330]; «Наконец ожесточение столь было велико, что о людях заботились столь же мало, как о животных, погибающих в лесах и пустынях» [13. Т. 2. С. 330–331]; «Скажу в заключении: столь ужасен был гнев божеский и отчасти ожесточение и виновная беззаботливость людей...» [13. Т. 1. С. 331]. Зараза превратила людей в зверей, а прекрасный город – в пустыню.

В этом контексте по-новому звучат слова Батюшкова из письма П.А. Вяземскому, о которых мы упоминали: «Будь весел и люби и не забывай твоего пустытника, который морщится, говоря тебе прости: ибо с тобою веселее калякать, нежели переводить длинные периоды Боккаччо, мрачный “Ад”» [13. Т. 2. С. 426]. Тем более, что этот контекст возникает благодаря упоминанию о Боккаччо и его произведении. Флоренция в этом контексте предстает для Батюшкова пустыней не только в прошлом, но и в настоящем. Феномен жизнеспособности прошлого во Флоренции отмечался нами [4. С. 70–100].

Следует заметить, что Флоренция – не лес и не пустыня, а люди, населяющие ее, превращаются в животных. В этом ужасном и чудесном явлении, ожесточившем людей, Батюшков склонен видеть Божью волю, наказание людей за их грехи: «Гнев божий (говорили они, убегая) не будет их преследовать: он весь обрушился на сей город, на тех, которые обитают в преступных стенах Флоренции; здесь ни один не спасет себя от гибели; здесь каждый обречен смерти» [13. Т. 1. С. 329].

Образ Флоренции отразился не только в переписке Батюшкова с друзьями, но и в его художественных произведениях, связанных с осуществлением замысла под названием «Пантеон итальянской словесности», которым он поделился с Н.И. Гнедичем в феврале 1817 г. Центральными фигурами в нем должны были стать фигуры Данте, Боккаччо, Ариосто, Тассо. Замысел оказался не осуществленным, но отдельные наброски к нему сохранились и свидетельствуют о его значительности. Так, упоминания о Данте и его «Божественной комедии» содержатся в переводе отрывка из романа Ж. де Сталь «Коринна, или Италия», названном «Слава и блаженство Италии» (1817), во фрагменте, который не вошел в «Опыты в стихах и прозе». Предполагаемые отрывки из Данте до нас не дошли, но следы работы над произведением великого флорентийца видны в письмах Батюшкова к Н.И. Гнедичу 1817 г. Работа над биографией Ариосто и возможным переводом из «Неистового Роланда», в той его части, который мог быть связан с городом цветов, отразилась в статье Батюшкова

под названием «Нечто о поэте и поэзии» (1815), вошедшей в «Опыты в стихах и прозе». Наконец, следует заметить, что Батюшкову удалось перевести начало и конец «Декамерона» Боккаччо – «Гризельда» и «Моровая зараза во Флоренции». Второй отрывок посвящен городу цветов, который оказывается местом смерти.

В заключении отметим, что реальные впечатления Батюшкова от Флоренции, на наш взгляд, отличаются от его же литературных впечатлений о ней. Житейские представления нашли отражение в эпистолярном

наследии, а художественные – в переводах произведений о прославленных флорентинцах и в переводах произведений самих прославленных флорентинцев.

Первые связаны с современной поэту действительностью, а вторые – с историческим прошлым. Феномен вечно живого прошлого весьма созвучен образу Флоренции в русской культуре. Батюшкова можно отнести к числу тех русских авторов, для которых важнее не повседневность в городе цветов, а его вневременная сущность.

Список источников

1. Меднис Н.Е. Венеция в русской литературе. Новосибирск, 1999. 392 с.
2. Лебедева О.Б., Янушкевич А.С. Образы Неаполя в русской словесности XVIII – первой половины XIX веков. Салерно, 2014. 426 с.
3. Владимирова Т.Л. Римский текст в творчестве Н.В. Гоголя. Томск, 2010. 176 с.
4. Гребнева М.П. Концептосфера флорентийского мифа в русской словесности. Томск, 2009. 182 с.
5. Кошелев В.А. Константин Батюшков. Странствия и страсти. М., 1987. 351 с.
6. Майков Л.Н. Батюшков, его жизнь и сочинения. М., 2001. 528 с.
7. Пильщиков И.А. Батюшков и литература Италии. Филологические разыскания. М., 2003. 318 с.
8. Благой Д.Д. Пушкин и Данте // Дантовские чтения. 1973. М., 1973. С. 9–64.
9. Голенищев-Кутузов И.Н. Творчество Данте и мировая культура. М., 1971. 551 с.
10. Горохова Р.М. Из истории восприятия Ариосто в России (Батюшков и Ариосто) // Эпоха романтизма. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1975. С. 236–272.
11. Афанасьев В. Ахилл, или жизнь Батюшкова. М., 1987. 254 с.
12. Никольская Ю.В., Шевченко Е.С. Образ Флоренции в творчестве К.Н. Батюшкова // XVII Королевские чтения. Самара, 2023. Т. 2. С. 79–80.
13. Батюшков К.Н. Сочинения : в 2 т. М., 1989.
14. Данте Алигьери. Божественная комедия. Пермь, 1994. 479 с.
15. Ариосто Лудовико. Неистовый Роланд. Л., 1993. URL: <https://djvu.online/file/IMCzPLBEfKIPZ>

References

1. Mednis, N.E. (1999) *Venetsiya v russkoy literature* [Venice in Russian Literature]. Novosibirsk.
2. Lebedeva, O.B. & Yanushkevich, A.S. (2014) *Obrazy Neapolya v russkoy slovesnosti XVIII – pervoy poloviny XIX vekov* [Images of Naples in Russian Literature of the 18th – First Half of the 19th Centuries]. Salerno.
3. Vladimirova, T.L. (2010) *Rimskiy tekst v tvorchestve N.V. Gogolya* [The Roman Text in the Works of N.V. Gogol]. Tomsk.
4. Grebneva, M.P. (2009) *Kontseptosfera florentiyskogo mifa v russkoy slovesnosti* [The Concept Sphere of the Florentine Myth in Russian Literature]. Tomsk.
5. Koshelev, V.A. (1987) *Konstantin Batyushkov. Stranstviya i strasti* [Konstantin Batyushkov. Wanderings and Passions]. Moscow.
6. Maykov, L.N. (2001) *Batyushkov, ego zhizn' i sochineniya* [Batyushkov, His Life and Works]. Moscow.
7. Pil'shchikov, I.A. (2003) *Batyushkov i literatura Italii. Filologicheskie razyskaniya* [Batyushkov and the Literature of Italy. Philological Research]. Moscow.
8. Blagoy, D.D. (1973) Pushkin i Dante [Pushkin and Dante]. In: *Dantovskiye chteniya. 1973* [Dante Readings. 1973]. Moscow. pp. 9–64.
9. Golenishchev-Kutuzov, I.N. (1971) *Tvorchestvo Dante i mirovaya kul'tura* [The Works of Dante and World Culture]. Moscow.
10. Gorokhova, R.M. (1975) Iz istorii vospriyatiya Ariosto v Rossii (Batyushkov i Ariosto) [From the History of the Perception of Ariosto in Russia (Batyushkov and Ariosto)]. In: *Epokha romantizma. Iz istorii mezhdunarodnykh svyazey russkoy literatury* [The Age of Romanticism. From the History of the International Connections of Russian Literature]. Leningrad. pp. 236–272.
11. Afanas'yev, V. (1987) *Akhil, ili zhizn' Batyushkova* [Achilles, or the Life of Batyushkov]. Moscow.
12. Nikol'skaya, Yu.V. & Shevchenko, E.S. (2023) *Obraz Florentsii v tvorchestve K.N. Batyushkova* [The Image of Florence in the Works of K.N. Batyushkov]. In: *XVII Korolevskie chteniya* [XVII Korolev Readings]. Vol. 2. Samara. pp. 79–80.
13. Batyushkov, K.N. (1989) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 Vols]. Moscow.
14. Alighieri, D. (1994) *Bozhestvennaya komediya* [The Divine Comedy]. Perm'.
15. Ariosto, L. (1993) *Neistovyy Roland* [Orlando Furioso]. Leningrad. [Online] Available from: <https://djvu.online/file/IMCzPLBEfKIPZ> (Accessed: 10.06.2024).

Информация об авторе:

Гребнева М.П. – д-р филол. наук, профессор кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: grmarinagr@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.P. Grebneva, Dr. Sci. (Philology), professor, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: grmarinagr@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.11.2024;
одобрена после рецензирования 20.03.2025; принята к публикации 30.04.2025.

The article was submitted 14.11.2024;
approved after reviewing 20.03.2025; accepted for publication 30.04.2025.